

Влияние политики США на инвестиционную интеграцию в Европейском Союзе

*Анна Алексеевна МАКАРОВА,
Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отноше-
ний имени Е.М. Примакова РАН
(117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23),
сектор внешнеэкономической политики,
отдел глобальных экономических проблем
и внешнеэкономической политики -
младший научный сотрудник,
ORCID: ID:0000-0001-7699-2243
e-mail: a.makarova@imemo.ru*

УДК:338.2(73); ББК:65(7Coe); М152
DOI: 10.24412/2072-8042-2022-12-18-29

Аннотация

Анализируется наблюдаемый в ЕС пересмотр подхода к ПИИ как к экономической категории, который выражается в ограничении свободы доступа, уделении большего внимания защите и так называемого уравнивания правил игры на глобальном инвестиционном рынке. Сравнительный анализ показал, что нынешний курс ЕС на ограничение доступа иностранного капитала из «недружественных» стран на европейский рынок в первую очередь стоит рассматривать как инструмент повышения собственной конкурентоспособности, хотя он отражает взаимные интересы США и наиболее развитых стран в целом. Делается вывод, что расширение полномочий наднациональных институтов является инструментом для укрепления роли ЕС в формирующемся полицентричном мире.

Ключевые слова: США, ЕС, интеграционные процессы, скрининг прямых иностранных инвестиций, иностранные субсидии.

US Policy Influence on EU Investment Integration

*Anna Alekseevna MAKAROVA,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation), Section for the
Foreign Economic Policy, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic
Policy - Junior Research Fellow, ORCID: ID:0000-0001-7699-2243, e-mail: a.makarova@imemo.ru*

Abstract

The revision of the approach to FDI as an economic category observed in the EU is analyzed. It is expressed in restrictions on freedom of access, greater focus on protection, and the so-called leveling of the playing field in the global investment market. A comparative analysis revealed that the current EU policy of restricting foreign capital inflows from “unfriendly” countries should primarily be considered as a tool to increase its own competitiveness, albeit it reflects the mutual interests of the United States and the most developed countries. It is concluded that the increased power of supranational institutions is a tool to strengthen the EU’s role in the emerging polycentric world.

Keywords: USA, EU, integration processes, screening of direct foreign investments, foreign subsidies.

Отношение Соединенных Штатов к прямым иностранным инвестициям в целом характеризуется их длительной приверженностью либеральному подходу открытой экономики, однако есть ряд существенных нюансов, которые многие эксперты, особенно в последние годы, выделяют как подтверждение растущих протекционистских настроений к предоставлению иностранному капиталу равных возможностей.

Во-первых, речь идет о так называемом принципе взаимности (анг. – *reciprocity principle*), который США неформально применяют по отношению к странам-донорам ПИИ в том случае, когда последние не отвечают критериям либерализации торговли и движения капиталов, таким как: низкие торговые барьеры, предоставление режима наибольшего благоприятствования иностранному инвестору или национального режима, снятие бюрократических и иных неявных барьеров. Законопроекты, закрепляющие возможность прямого применения принципа взаимности неоднократно выносились на Конгресс США представителями от республиканской партии, в том числе публично с позицией признания принципа взаимности в двусторонних отношениях выступал бывший президент Д. Трамп. В ходе торговой войны с Китаем сторонники Трампа указывали как раз на односторонний характер привилегий для Поднебесной, в то время как в самом Китае ограничений на приток ПИИ больше, чем в любой другой стране ОЭСР или БРИКС¹. С приходом Дж. Байдена градус напряженности несколько упал, однако вектор заданной риторики не изменился, и принцип взаимности играет существенную роль в определении характера инвестиционной политики и круга стран, с которыми США желали бы в дальнейшем углублять торгово-экономические отношения.

Во-вторых, это усугубляющийся кризис многосторонности, где в борьбе за рынки и сферы влияния США уступают, а в чем-то даже проигрывают, таким локомотивам, как Китай и Индия. В отсутствие всеобъемлющего соглашения по

регулированию трансграничных потоков прямых инвестиций США неоднократно пытались продать свои интересы на уровне ВТО, однако эти попытки не увенчались успехом. Растущее влияние и консолидация голосов развивающихся стран, зачастую выступающих единым блоком в процессе разработки и принятия того или иного соглашения пакета ВТО, оставляет США и в целом блоку развитых стран ничтожно малое пространство для маневра и существенно снижает способность к лоббированию интересов. Аналогичным образом провал Европейской комиссии на переговорах по углублению международной торговой повестки в рамках Дохийского раунда привел к взаимному смещению приоритетов в сторону продвижения двустороннего подхода в формате ЗСТ+ с ключевыми партнерами. Это обусловило разработку принципиально нового типа мегарегиональных торговых и инвестиционных соглашений, таких как, например, Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между Канадой и ЕС, Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), при этом последнее, если бы было заключено, то в среднесрочной перспективе существенным образом сказалось на подходах региональных блоков развивающихся стран к доступу и защите ПИИ².

Наконец, в-третьих, тревожная ситуация с хроническим дефицитом торгового баланса вынуждает США реагировать на изменения мировой конъюнктуры и нарастающие темпы трансформации ГСЦ. В результате подъема китайской экономики и других развивающихся стран в мировом ландшафте стали наблюдаться искажения не в пользу «свободных демократий»³. Прямые иностранные инвестиции, которые отчасти являются следствием превалирования импорта над американским экспортом, очевидно, есть не что иное как часть стоимостных цепочек с участием американского капитала, разрыв которых, без адекватного замещения, скажется не в пользу самих США. Торговая война с Китаем показала, что убытки американских ТНК, наряду с ростом инфляции и падением покупательной способности среди населения по объемам слабо сопоставимы с потерями китайских производителей, в то время как политическое влияние, оказываемое таким образом на руководство КНР, еще меньше. Последнее объясняется обоюдной реакцией международного сообщества на интеграцию китайской экономики в международное разделение труда с начала XXI в., что разожгло огонь экономического национализма в обеих странах. Но, если в Китае первые успехи на глобальном рынке подстегнули волну создания местных инноваций, то для США это стало означать приобретение системного соперника и угрозы как национальной экономике, так и безопасности⁴.

В этих условиях Соединенным Штатам крайне важно иметь мощных системных союзников для продвижения единой консолидированной линии по удержанию позиций развитых стран на глобальном рынке ПИИ. Бурный подъем и технологическое лидерство ряда стран в АТР сместили вектор сотрудничества США в пользу азиатских партнеров. Европейский Союз как региональное интеграционное объединение суверенных государств не был способен в полной мере отражать

сплоченную позицию развитого либерального мира и полноценно интегрироваться в международное сообщество. С вступлением в силу Лиссабонского договора Европейская комиссия обрела исключительную компетенцию и право выступать от лица всех стран-членов в сфере регулирования не только торговли, но и ПИИ. Таким образом, с начала второго десятилетия XXI в. шансы США в инкорпорировании интересов и направлений регулирования трансграничных потоков прямых инвестиций на общем рынке ЕС возросли.

СКРИНИНГ ПИИ В США И ЕС

Отслеживание трансграничного перемещения капитала не является своего рода новеллой. Это необходимое и оправданное право государства, защищающего свои национальные ресурсы и богатства, которое стало привычным с тех пор, как ПИИ стали основным драйвером глобализации. Однако в научном дискурсе и литературе детерминантам осуществления контроля за ПИИ уделено мало внимания. При этом в большинстве исследований основной фокус сосредоточен на проблеме именно национальной безопасности, нежели чем на комплексном сочетании экономических, социокультурных и прочих политических факторах и большей степени исследуется на примере Соединенных Штатов. В последние годы эта тенденция меняется – кризис, вызванный *COVID-19*, породил фактически повсеместное создание инструментов контроля за трансграничным движением ПИИ, расширил сферу применения и охват секторов во многих странах ОЭСР⁵.

США, будучи крупным экспортером, так и импортером зарубежных инвестиций, одними из первых озаботились созданием основы для осуществления контроля в 1980-е г., когда «экономическая мощь Японии, якобы подкрепленная разумной промышленной политикой, картельными связями кейрецу с дешевыми банковскими кредитами, стала для США источником страха»⁶. В результате был учрежден специальный межведомственный Комитет по иностранным инвестициям (*CFIUS*), которому было поручено рассматривать определенные сделки, связанные с иностранными инвестициями, с целью выявления их потенциального влияния на национальную безопасность США. При этом технически обращение в Комитет за одобрением было добровольным и необязательным (за исключением инвестиций в критическую инфраструктуру и прочих прямо упомянутых в законодательстве). Однако осведомленные инвесторы знали, что если заблаговременно не уведомить Комитет, то сделка может быть расторгнута после заключения. Институциональными барьерами, сдерживающими активность инвесторов, служили наличие широкого круга лиц, участвующих в принятии решения, а также отсутствие прозрачности. В первом случае это проявлялось участием в отборе представителей из более, чем 10 различных министерств и ведомств, во втором – отсутствием формального закрепления понятий «национальная безопасность» и «критическая инфраструктура»⁷. В 2007 г. из-за дебатов на фоне попытки китайской *CNOOC*

приобрести американскую *Unocal* широкие полномочия *CFIUS* были де-юре закреплены Законом об иностранных инвестициях и национальной безопасности (*FINSA*). Благодаря этому американские власти получили возможность блокировать сделки вне пределов своей юрисдикции при наличии имущественных интересов к объекту за рубежом. Так было, например, когда китайский инвестиционный фонд *Fujian Grand Chip* попытался поглотить немецкого производителя чипового оборудования *Aixtron*⁸.

В отличие от США, во многих странах – членах ЕС долгое время регулирование допуска иностранного капитала на национальные рынки было более лояльным, либо отсутствовало в виде отдельного института или регулирующей нормы. Традиционные экспортеры капитала, в основном представители «старой Европы», такие как Германия, Франция, Австрия, Италия, Испания и Великобритания, наряду с некоторыми «новыми», например, Литвой, Латвией и Польшей, касались возможности применения скрининга в отношении ПИИ в определенных секторах в законодательстве о внешнеэкономической деятельности, при этом объем и характер рестрикций существенно отличался. В то же время, например Словакия и Чехия, не имели подобного опыта.

До прихода на европейский рынок китайских корпораций Европейские сообщества фактически не видели для себя угрозы в растущем присутствии иностранных, в первую очередь американских и японских, ТНК, в результате чего барьеры для всех входящих ПИИ на европейский рынок традиционно были существенно ниже тех же американских или японских. В то же время в ведении наднациональных органов еще задолго до принятия Лиссабонского договора 2009 г. находилась политика стран-членов в области конкуренции, критическая инфраструктура и инструменты торговой защиты, где действовали правила в отношении видов и уровней государственной помощи. Последние включали иностранные приобретения или создание совместных предприятий с иностранными партнерами и могли бы, в случае необходимости, быть применены со стороны Сообществ как критерии отбора поступающих на европейский рынок зарубежных инвестиций. Отчасти основанием для проверки также служил Регламент о слияниях (*EUMR*) 1989 г., ныне действующий как часть закона ЕС о конкуренции. Согласно последнему поглощения национальных компаний иностранными государственными предприятиями подлежат проверке, если они соответствуют критериям размера. К подобного рода скрытым институциональным барьерам для ПИИ можно отнести и антидемпинговые правила, правила происхождения, а также Европейскую программу защиты критически важной инфраструктуры (*EPCIP*) 2006 г., которая частично позволяла наднациональным органам проверять сделки с иностранными инвестициями исходя из соображений национальной безопасности.

Однако главной проблемой ЕС и его движущих сил – Германии и Франции, оставалось отсутствие технологических гигантов, подобных по масштабам осуществления НИОКР, капитализации и влияния на американские *Apple*, *Google* или *Intel*, что подрывало авторитет союза среди партнеров и его влияние на международных площадках. По мнению национальных элит, в той же Франции или Германии одной из главных причин страдающей таким образом конкурентоспособности является успешная реализация преимуществ от ПИИ в виде трансфера технологий и появления национальных чемпионов в развивающихся странах, которые теперь сами экспортируют переизбыток капитала в стабильные развитые страны, создавая там рост конкуренции и падение цен на активы.

В действительности к 2015 г. только 0,4% европейских компаний контролировались инвесторами из стран, не входящих в ЕС, в то время как, например, китайские и российские накопленные входящие ПИИ составляли лишь 2,0% и 1,1% соответственно. Это отмечается в докладе Европейской Комиссии 2017 г. «Приветствуя прямые иностранные инвестиции, защищая основные интересы»⁹, которая среди основных мотивов для введения всеобъемлющего панъевропейского механизма контроля над ПИИ выделяет больше политические, нежели сугубо экономические мотивы, в частности, «необходимость обеспечения того, чтобы все (имеются ввиду третьи страны – прим.авт.) играли по одним и тем же правилам», т.е. соблюдался принцип взаимности, а также применялся консолидированный подход к регулированию ПИИ на многостороннем уровне.

В качестве модели для нового общеевропейского механизма ЕС было предложено учесть опыт США, которые на тот момент работали над «Законом о модернизации системы контроля за рисками иностранных инвестиций» 2018 г. (*FIRIMA*). Благодаря последнему теперь в США полномочия *CFIUS* фактически ограничиваются только «определенными категориями иностранных лиц», список которых не является постоянным. Основным критерием исключения из механизма проверок является страновая принадлежность, взаимная открытость и уровень эффективности национальных механизмов проверки ПИИ. В 2020 г. в него вошли инвесторы из трех стран: Австралии, Канады и Великобритании. В январе 2022 г. список также пополнился выходцами из Новой Зеландии¹⁰.

Рамки, устанавливающие механизм проверки входящих ПИИ на общий рынок ЕС, были закреплены в Регламенте ЕС 2019/ 452¹¹ и на первом этапе, более схожем с американским *FINSA*. В новом регламенте ЕС устанавливается общеевропейский механизм координации и обмена информацией между странами-членами и ЕК по сделкам с ПИИ, поступающими из третьих стран, которые влекут за собой потенциальные угрозы национальной безопасности и публичному порядку ЕС. Как и в случае с *CFIUS*, ЕК выполняет роль посредника между инвесторами и го-

сударством. Решение по блокировке сделки в конечном счете принадлежит национальному правительству, принимающему ПИИ, однако любая страна-член может обратиться к ЕК с просьбой инициирования пересмотра в случае нарушения правил функционирования общего рынка. По мере того как все страны-члены адаптируют новые вводные в национальное законодательство, можно будет вести речь о дальнейшей институционализации механизма и его сближения с *CFIUS* в варианте *FIRMA*. По крайней мере, предпосылки для этого можно наблюдать, поскольку последующие шаги в общеевропейском регулировании все более отражают тенденцию к дифференциации как самих ПИИ, так и стран их происхождения.

ИНОСТРАННЫЕ СУБСИДИИ В ФОКУСЕ

В последние годы стали явно проявляться все более резкие и дорогостоящие шаги США и союзников по уменьшению зависимости от недружественных стран в цепочке поставок. Вынуждая партнеров приступить к технологическому разединению, прежде всего с Китаем, американские власти активно осваивают практику прямого субсидирования производственного капитала в критически важные отрасли. Первой в списке стала полупроводниковая промышленность. Согласно новому двухпартийному закону об инвестировании в производство полупроводников и науку (*CHIPS and Science Act, 2022*) США выделяют в течение 5 лет 52,7 млрд долл., в том числе 39 млрд долл. – на стимулирование инвестиций в производство новых чипов, 13,2 млрд долл. – на НИОКР и 2 млрд долл. – на поддержание существующих моделей, применяемых в автомобильном и оборонном производстве. Важным налоговым стимулом для ПИИ в полупроводниковую промышленность США станет предоставление 25% инвестиционного налогового кредита. Примечательно, что подобный набор прямых мер поддержки использует Китай в своей промышленной политике, тем самым создавая искусственное искажение рынка, за что последний подвергается осуждению и рестрикциям со стороны как США, так и ЕС¹².

Бенефициарами нового закона, безусловно, станут американская *Intel* и ее партнеры – азиатские технологические лидеры полупроводниковой промышленности, в частности Тайвань, Южная Корея и Япония. В целом же на Восточную Азию сегодня приходится до 75% мирового производства чипов, в то время как доля США достигает лишь 10%. Принимаемые меры призваны как минимум в два раза укрепить позицию американского рынка. На фоне объявленных мер финансовой поддержки к строительству нового завода по производству микросхем стоимостью 17 млрд долл. уже приступила южнокорейская *Samsung*¹³. Совокупные инвестиции в 12 млрд долл. от тайваньского лидера полупроводников – *TSMC* – пойдут на строительство нескольких производственных площадок в США. Первый объект в штате Аризона уже запущен в начале 2022 г. с планируемым выходом на масштабное производство самой передовой модификации 5-нм чипов к 2024 г.

На внутреннем рынке ЕС в отношении субсидий долгие годы складывались несколько иные реалии. Странам-членам не позволено прямое субсидирование национальных компаний, которое искажает рынок или создает угрозу конкуренции, за исключением определенных видов поддержки в строго ограниченных секторах, например, сельскохозяйственной отрасли. Правила предоставления подобного рода помощи (*State Aid*) прописаны в ст.107 Договора о функционировании ЕС и распространяются только субсидии, предоставляемые правительствами государств-членов. В июне 2020 года ЕК выпустила Белую книгу об уравнивании правил игры в отношении иностранных субсидий, которая положила начало публичным дебатам по теме регулирования, направленного на устранение искажений рынка. Особые опасения ЕК были связаны с последствиями подобного рода несправедливой промышленной политики, создающей национальных чемпионов за счет субсидирования внеевропейским государством, в контексте слияний и поглощений на внутреннем рынке ЕС, а также участия компаний с ПИИ, субсидируемыми иностранным правительством, в государственных закупках ЕС. Обсуждаемый ныне механизм регулирования устанавливает всеобъемлющую основу для рассмотрения ЕК любой экономической деятельности, получающей выгоду от субсидии, предоставляемой страной, не входящей в ЕС, на внутреннем рынке¹⁴. В частности, ЕК будет поручено проводить собственные расследования потенциального антиконкурентного поведения, блокировать сделки и накладывать штрафы. В свою очередь, компании будут обязаны предоставить информацию о финансовых взносах, полученных ими от иностранных правительств, после чего ЕК примет решение о допущении последних до участия в публичных тендерах или законности ведения и расширения инвестиционной деятельности на европейском рынке. Хотя перечень отраслей не определен, исходя из публикуемых в ЕС документов, имеются основания полагать, что оно будет включать некоторого рода изъятия, например, для полупроводниковой промышленности; прямые ограничения в большей части коснутся инфраструктуры, транспортного сектора и энергетической отрасли.

Стоит отметить, что справедливый и равноправный подход к осуществлению контроля со стороны ЕК за иностранными субсидиями в полупроводниковой промышленности не может быть реализован, поскольку сам ЕС и его основные партнеры продвигают противоположную политику государственного субсидирования чипов. Кроме программы США, подобные инструменты действуют в Японии, Южной Корее и Китае. По оценкам совокупная поддержка отрасли составила более 721 млрд долл. и 0,9% мирового ВВП в 2020 г., что так или иначе ведет к искажению рынка¹⁵. О стратегическом значении производства полупроводников заявила в 2021 г. Урсула фон дер Ляйен, обозначив целью увеличение доли европейских производителей с 9% в 2021 г. до 20% к 2030 г. В последующем Законе о чипах (*European Chips Act*), принятом в 2022 г., ЕС условился потратить дополнитель-

ные 15 млрд евро к уже обозначенным 30 млрд евро государственных и частных инвестиций, реализуемых через такие инициативы, как: Альянс по процессорам и полупроводниковым технологиям, создание совместных предприятий и НИОКР в рамках «Горизонт Европа» и «Цифровая Европа». Эти действия являются частью стратегии поддержки процветающей экосистемы европейской полупроводниковой промышленности, предотвращения нехватки полупроводников в будущем и поощрения иностранных инвестиций в европейскую полупроводниковую промышленность, особенно в создание чипов последнего поколения, производителей которых в Европе нет¹⁶.

В инфраструктуре, транспортном секторе и энергетической отрасли страны ЕС, в первую очередь Германия и Франция, владеют передовыми технологиями и промышленными ТНК, однако конкурентоспособность последних подрывается участием в публичных тендерах и сделках по слияниям и поглощениям более привлекательных в ценовой политике иностранных корпораций и банков. С 2008 г. в рамках реализации инициативы «Один пояс и один путь» китайские ТНК и ТНБ приобрели доли в 8 европейских морских портах в Бельгии, Франции, Греции, Италии, Испании и Нидерландах, финансируют железнодорожные проекты на Балканах и в Северной Европе. Широкий резонанс вызвало строительство государственной Китайской дорожно-мостовой корпорацией (CRBC) моста в Хорватии, ввиду того что 85% финансирования проекта осуществлялось на средства из фондов ЕС. Здесь интересы ЕК следует рассматривать в контексте сворачивания китайских инфраструктурных амбиций, поскольку с июльского саммита G7 2021 г. ЕС активно продвигает совместную инициативу создания глобального шлюза – прямого конкурента коридору, выстраиваемому Китаем. Претензии среди франко-германских компаний и бизнес-ассоциаций также адресованы субсидируемым ближневосточным компаниям, в частности авиаперевозчикам из Катара и ОАЭ¹⁷. В энергетической отрасли германская промышленность страдает прежде всего от китайских производителей солнечных панелей, которые являются основными экспортёрами и подрядчиками в публичных тендерах за счет, в первую очередь, дешевизны продукции. Отдельного упоминания заслуживает сохранившаяся доля российских проектов в энергетическом секторе ЕС. Несмотря на то, что отечественный капитал стал массово мигрировать с европейского рынка с 2014 г., российское присутствие в ЕС сохраняется. Как и в случае с китайскими корпорациями, основные крупные инвесторы на европейском рынке, как, например, «Газпром» или «Росатом», так или иначе связаны с государством, что может послужить еще одним поводом для контроля за деятельностью и введения ограничений со стороны наднациональных органов даже после теоретической отмены санкционного режима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы российский научный дискурс сосредоточен на изучении влияния санкций и последствий наложенных ограничений для российского бизнеса. Нередко авторы возлагают надежды, что снятие санкционного режима повлечет за собой улучшение инвестиционного климата в РФ, что, соответственно, наладит кооперационные связи российского и европейского бизнеса. Однако, на наш взгляд, в последнее десятилетие в ЕС происходит пересмотр подхода к ПИИ как к экономической категории, что отражается в ограничениях свободы доступа, уделении большего внимания защите и так называемого уравнивания правил игры на глобальном инвестиционном рынке. Все это существенным образом сказывается на интеграционных процессах внутри ЕС. С увеличением полномочий наднациональных институтов естественным образом растут противоречия между национальными элитами. Реакция последних на подобное вмешательство со стороны ЕК проявляется неоднозначно, в частности, большое сомнение в целесообразности дальнейшего углубления интеграции во внешней инвестиционной сфере заметно в малых странах ЕС, где китайское или иное внеевропейское участие в национальном производственном капитале переросло в сильные кооперационные связи. В результате, на сегодняшний день только 18 из 27 стран-членов приняли соответствующие меры по ограничению доступа входящих ПИИ, а дебаты в отношении полномочий на европейском рынке компаний с иностранным субсидированием не прекращаются. Хотя имплементация нового регулирования будет ограничена лишь применением механизма координации, а не жесткого навязывания сверху, это отражает усугубление проблемы разных скоростей в европейской модели интеграции и не прекращающуюся борьбу национальных правительств за свои интересы и сохранение их государственности.

В то же время в долгосрочной перспективе задавать направление общеевропейской внешнеэкономической политике, в том числе в отношении регулирования прямых иностранных инвестиций, будет последовательный курс на сближение с США и союзниками, который определили для себя главные доноры и движущие силы ЕС, благодаря чему европейская модель интеграции становится все более закрытой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Chilton A. S., Milner H. V., Tingley D. Reciprocity and public opposition to foreign direct investment / *British Journal of Political Science*. 2020. Volume 50. Issue 1. P. 132

² Jungmittag A., Welfens P. J. J. EU-US trade post-trump perspectives: TTIP aspects related to foreign direct investment and innovation / *International economics and economic policy*. 2020. Volume 17. Issue 1. P.260. - <https://doi.org/10.1007/s10368-020-00459-1>

³ Lang A. Heterodox markets and ‘market distortions’ in the global trading system / *Journal of International Economic Law*. 2019. Volume 22. Issue 4. P. 678. - <https://doi.org/10.1093/jiel/jgz042>.

⁴ Zhang J. J. American multinational corporations and the US-China trade war / *Research Handbook on Trade Wars*. Edward Elgar Publishing, 2022. P.252.

⁵ Danzman S. B., Meunier S. The big screen: Mapping the diffusion of foreign investment screening mechanisms.2021.P.1.URL - <https://ostromworkshop.indiana.edu/pdf/seriespapers/2021spr-colloq/bauerle-danzman.pdf>

⁶ Chinese investment: a case of déjà vu for the US. 22 August 2012. URL - <https://www.eastasiaforum.org/2012/08/22/a-case-of-deja-vu-for-the-united-states/>

⁷ Kamalnath A. J. The Center Cannot Hold: A Comparison of the FDI Screening Regimes of the United States and European Union in Addressing the West’s China Problem. 2021. Pp.7-9 URL - <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3861337>

⁸ China’s Fujian drops Aixtron bid after Obama blocks deal. URL - <https://www.reuters.com/article/us-aixtron-m-a-fujian-idUSKBN13X16H>

⁹ Welcoming Foreign Direct Investment while Protecting Essential Interests: COM. Brussels. September 2017. P. 7. URL - <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A52017DC0494#footnote12>

¹⁰ CFIUS Updates Excepted Foreign State Rules. January 2022. URL - <https://www.akingump.com/en/news-insights/cfius-expands-list-of-countries-for-carve-outs-and-exemptions-from-mandatory-filings-for-investments.html>

¹¹ Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union of 19 March 2019. URL - <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj>

¹² Fact Sheet: CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China. August 2022. URL - <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/>

¹³ Samsung построит завод по производству чипов в США за \$17 млрд. URL - <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447185-samsung-postroit-zavod-po-proizvodstvu-cipov-v-ssa-za-17-mlrd>

¹⁴ Foreign subsidies distorting the internal market: provisional political agreement between the Council and the European Parliament. June 2022. URL - <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/30/foreign-subsidies-regulation-political-agreement/>

¹⁵ Is the EU Chips Act the right approach? URL:<https://www.bruegel.org/blog-post/eu-chips-act-right-approach>

¹⁶ The European Chips Act: A Strategy to Expand Semiconductor Production Resiliency. March 2022. URL: - <https://www.csis.org/blogs/perspectives-innovation/european-chips-act-strategy-expand-semiconductor-production-resiliency>

¹⁷ Trade & investment – addressing distortions caused by foreign subsidies. Public consultation. European commission. URL - https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12621-Trade-investment-addressing-distortions-caused-by-foreign-subsidies_en

БИБЛИОГРАФИЯ:

Буторина О.В., Борко Ю.А. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции / Современная Европа. 2022. № 1. С. 5-20. DOI: 10.31857/S0201708322010016 @@ Butorina O.V., Borko Yu.A. Vygoty regional'noj integracii: peresmotr koncepcii / Sovremennaya Evropa. 2022. № 1. С. 5–20

Квашнина И., Оболенский В. Ввоз и вывоз капитала: эффекты для России / Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С.63–76 @@ Kvashnina I., Obolenskiy V. Vvoz i vyvoz kapitala: ehffekty dlya Rossii / Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 1. С.63–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-1-63-76>

Chilton A. S., Milner H. V., Tingley D. Reciprocity and public opposition to foreign direct investment / British Journal of Political Science. 2020. Volume 50. Issue 1. Pp. 129-153.

Cremona M. Distinguished essay: a quiet revolution – the changing nature of the EU's Common Commercial Policy / European Yearbook of International Economic Law 2017. Springer, Cham. Pp. 3-34. https://doi.org/10.1007/978-3-319-58832-2_1

Drezner D. W., H. Farrell, & A. L. Newman (Eds.). The uses and abuses of weaponized interdependence, Brookings Institution Press. 2021. P. 351.

Jiao Y. et al. The impacts of the US trade war on Chinese exporters / The Review of Economics and Statistics. 2021. Pp. 1-34. https://doi.org/10.1162/rest_a_01229

Jungmittag A., Welfens P. J. J. EU-US trade post-trump perspectives: TTIP aspects related to foreign direct investment and innovation / International economics and economic policy. 2020. Volume 17. Issue 1. Pp. 259-294. <https://doi.org/10.1007/s10368-020-00459-1>

Kamalnath A. J. The Center Cannot Hold: A Comparison of the FDI Screening Regimes of the United States and European Union in Addressing the West's China Problem. 2021. P.14. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3861337>

Lang A. Heterodox markets and 'market distortions' in the global trading system / Journal of International Economic Law. 2019. Volume 22. Issue 4. Pp. 677-719. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgz042>.

Viju-Miljusevic C. European Union adapting to an era of no ruling trade paradigm / European Foreign Affairs Review. 2019. Volume 24. Issue 3. Pp. 387–404. <https://doi.org/10.54648/eerr2019031>

Zhang H., Van Den Bulcke D. China's direct investment in the European Union: a new regulatory challenge? Asia Europe Journal. 2014. Volume 12. Issue 1. Pp. 159-177. <https://doi.org/10.1007/s10308-014-0383-9>

Zhang J. J. American multinational corporations and the US-China trade war / Research Handbook on Trade Wars. Edward Elgar Publishing, 2022. Pp. 252-270. <https://doi.org/10.4337/9781839105708.00023>

